

фии выглядят вполне современно» (с. 262), то возникает впечатление, что они мысленно примеряют это на себя (или на своих близких). Между тем критерии «приличности» и соответствия моде зависят не только от эпохи и региона, но и от социальной принадлежности, не говоря уже об эстетических оценках, которые не могут быть универсальными. Да и идея о том, что «человеческая природа тянется к прекрасному и разнообразному и не так-то легко её победить» (с. 73), может быть подвергнута сомнению, так как эстетические предпочтения людей формируются в процессе социализации и ничего «природного» в них нет.

Вместе с тем, несмотря на достаточно нормативный взгляд, книга ставит важные вопросы об эволюции советской системы и о роли индивидуализации в ней, которые приглашают к дальнейшим дискуссиям.

***Наталия Лебина: Советский Союз как современное общество: взгляд
сквозь призму моды***

*Natalia Lebina (D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and
National Heritage): Soviet Union as a modern society: A view in the light of the
fashion*

Я хотела бы сосредоточить внимание в основном на теоретико-методологических аспектах книги «Мода по плану», которые, на мой взгляд, заслуживают особого внимания. Представляется, что авторам удалось наконец преодолеть предубеждение многих историков по отношению к социальной теории. Она, конечно, не в силах описать многообразие исторического процесса, но вполне способна предоставить ориентиры направленного изучения прошлого, а также облегчить концептуализацию исторического исследовательского текста. Ведь в противном случае, по выражению петербургского исследователя М.М. Крома, «история быта сведётся опять к описательности, к импрессионистическим картинкам или к механической сумме отдельных явлений той или иной эпохи»¹¹.

Авторы обсуждаемой книги считают наиболее предпочтительными для создания текста о моде и моделировании одежды в СССР концептуальные положения Г. Зиммеля о «генерализации» и «индивидуализации» – двух основных антагонистических принципах, «которые сосуществуют в современном обществе» (с. 49). Авторы небезосновательно утверждают, что в СССР начиная со времени оттепели становилось очевидным подмеченное Зиммелем противоречие между «генерализацией» и «индивидуализацией» вкуса. Журавлёв и Гронов связывают это обстоятельство с постепенным насыщением рынка товарами, удовлетворявшими элементарные потребности населения. В такой ситуации, как следует из построений авторов книги, те или иные предметы одежды начинают превращаться в «средство (само)идентификации индивидуума». И происходит это в СССР лишь в 1960-х гг. На мой взгляд, подобная позиция изначально неверна и явно принижает значимость зиммелевских идей, вполне «работающих» и на материале 1920–1950-х гг. В условиях сельской повседневности, несмотря на материальные трудности, уже в то время существовали традиции щегольства – особого платка, кофточки, которую надевали на праздник, даже предметов нижнего белья, например, городских с пояском подвязок для

¹¹ Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сборник научных работ. СПб., 2003. С. 11.

чулок. Такие детали в достаточном количестве встречаются в беллетристике 1920–1950-х гг. Об использовании литературных произведений для воссоздания деталей повседневности вообще и внешнего облика людей в частности неоднократно и убедительно писали А.В. Предтеченский и С.О. Шмидт. Между тем Гронов и Журавлёв не используют этот богатейший исторический источник.

В городской среде после 1917 г., несмотря на обнищание населения, предметы одежды широко использовались как средство маркирования социального статуса личности. Предметом намеренной (само)идентификации задолго до периода «оттепели» выступала знаменитая кожанка. Эта форменная одежда летчиков и шофёров времен Первой мировой войны в годы Гражданской войны превратилась в символ революционной моды, что сразу отразила художественная литература. Б.А. Пильняк в романе «Голый год» (1920) писал: «В монастыре утром, в исполкоме... собирались – знамение времени – кожаные люди в кожаных куртках (большевики!) – каждый в стать, кожаный красавец»¹². Этот вид одежды подчёркивал причастность человека к революционным переменам, ассоциировался с элитой нового общества, оставаясь модным до середины 1920-х гг. Любопытное свидетельство восприятия кожаной куртки как некоего мандата на привилегии в годы нэпа встречается в дневнике молодой москвички, дочери мелких служащих. В 1924 г. она писала: «Я видела одну девушку, стриженую, в кожаной куртке, от неё веяло молодостью, верой, она готова к борьбе и лишениям. Таким, как она, принадлежит жизнь. А нам ничего»¹³.

Во второй половине 1920-х гг. появились новые вещевые маркеры. Судя по данным опросов молодых рабочих Москвы и Ленинграда, в представлении многих юношей и девушек «одеть на себя старомодное платье – значит, опозорить себя в глазах товарищей, показаться мокрой шваброй и паршивым скупердяем»¹⁴. Существовали и конкретные предметы одежды, имевшие вполне выраженный символический статус, обладание которыми в 1920-х гг. считалось престижным. В качестве примера можно привести фильдекосовые, фильдеперсовые и шёлковые чулки. Журавлёв и Гронов полагают, что лишь в 1960-е гг. в СССР «к платью вообще, и к женскому белью в частности, перестали относиться как преимущественно к функциональной вещи, прежде всего, дарящей тепло» (с. 49). На самом деле тонкие чулки рассматривались как модная вещь и в довоенном советском обществе. Об этом свидетельствует мемуаристика (в частности, воспоминания Н.Я. Мандельштам), художественный нарратив (произведения П.С. Романова), материалы этнографического характера¹⁵. В 1930–1950-х гг. статусными были крепдешиновые платья и бостоновые костюмы¹⁶. Иными словами, одежда в советской действительности 1920–1950-х гг., несомненно, обладала символическим смыслом и являлась средством поиска идентичности и отдельными индивидуумами, и социальными группами.

¹² Пильняк Б.А. Голый год // Пильняк Б.А. Повесть непогашенной луны. Рассказы, повести, роман. М., 1990. С. 344.

¹³ Рубинштейн М.М. Юность по дневникам и автобиографическим записям. М., 1928. С. 234.

¹⁴ Зудин И., Мальковский К., Шаламов П. Мелочи быта. М.; Л., 1929. С. 39.

¹⁵ См., например: Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970 гг.). М., 1970.

¹⁶ Подробнее см.: Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы знаки. СПб., 2008.

По-иному складывалась ситуация в пространстве государственной политики. Можно согласиться с суждением авторов «Моды по плану» о том, что власть стала задумываться об эстетической стороне процесса моделирования одежды в масштабе всей страны лишь с конца 1950-х гг. На рубеже 1920–1930-х гг. предпринимались отдельные попытки насаждения некоего канона в одежде новой элиты. Так, роль кожанки в то время стала выполнять «юнгштурмовка». В студенческой среде в одинаковых одеждах цвета хаки с ремнем через плечо ходили все комсомольские активисты. Но уже к началу 1930-х годов молодые дизайнеры одежды высказывали мысли о недостатках такого обмундирования.

В период так называемой культурности, или политики «большого стиля» с характерными для него элементами показной роскоши, государственная забота о модной одежде носила довольно локальный и специфический характер. Материальное заменялось символическим. Так можно расценивать первые шаги официальной советской моды в конце 1930-х гг., в частности, деятельность Домов моделей. Английская исследовательница Дж. Бартлетт справедливо отметила: «Во времена Сталина... отношение к моде изменилось. Центральное место в ней заняла парадная эстетика репрезентативного костюма»¹⁷. В пока ещё единичных советских центрах моды в первую очередь одевались представители новых элит. В 1934 г. в Ленинграде, например, был открыт элитный магазин-ателье женской одежды на Невском, 12. Он вошёл в историю под неофициальным названием «Смерть мужьям». Сначала здесь обслуживали лишь семьи крупных партийных и советских работников, а также актерскую элиту, причем услугами магазина пользовались москвички: А.К. Тарасова, К.И. Шульженко, Л.П. Орлова, Ф.Г. Раневская¹⁸. С помощью таких учреждений укреплялась новая мифология повседневности.

Как известно, известный французский семиотик Ролан Барт рассматривал моду как некий миф, который функционирует в современных культурах. Семиотический подход авторы оставили без внимания, хотя некоторые бартовские идеи были бы полезны при изучении моделирования одежды в СССР. Барт писал, в частности, о том, что западная индустрия моды фетишизирует не просто красивое тело, а тело, «деформированное» модой¹⁹. Безусловно, в советском контексте оно также присутствовало как объект дисциплинирования с помощью одежды. Так, на рубеже 1920–1930-х гг. преобладающим стал специфический тип красоты, возникающий, по словам Ю.К. Олеши, «от частого общения с водой, машинами и гимнастическими приборами»²⁰. Этой телесности соответствовали вещи, функционировавшие в пространстве официальной моды. В их числе, например, «соколки» – трикотажные футболки с цветными шнуровками, функционально одежда спортивная, но часто употребляемая в обыденной жизни. Именно в ней запечатлена девушка на картине А.Н. Самохвалова «Девушка в футболке» (1932).

Идеалы тела времени большого стиля с утрированной женственностью и маскулинностью, запечатленные советской живописью и скульптурой (например, в произведениях А.А. Дейнеки и В.И. Мухиной), провоцировали и создание соответствующей одежды. По описанию очевидцев, в частности итальянского дизайнера Э. Скиапарелли, образцы советской моды конца 1930-х гг.

¹⁷ Бартлетт Дж. Указ. соч. С. 79.

¹⁸ Сараева-Бондарь А.М. Силуэты времени. Л., 1993. С. 281.

¹⁹ Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 294.

²⁰ Цит. по: Кирсанова Р.М. Гимнастерка, джимми и полпред... // Родина. 1997. № 11. С. 45.

казались довольно странными – это была не простая и практичная одежда, а настоящая «оргия шифона, бархата, кружев»²¹. Стоит отметить, что визуальный ряд, представленный в книге Журавлёва и Гронова, является ярким подтверждением сохранения тенденции помпезности в женской моде и в начале 1950-х гг. Советские же мужчины, по словам И.А. Бродского, представляли собой нечто «квадратное и двубортное»²². Если оперировать терминологией Барта, то мода в эпоху сталинизма фетишизировала тело, «деформированное» идеологией тоталитаризма.

Демократизация советской системы моделирования одежды и советской телесности началась с процесса десталинизации повседневности, о чём авторы книги «Мода по плану» пишут немного, но довольно живо, демонстрируя все трудности конструирования модного тела в СССР. Во многом знаковой для раскрытия этой проблемы является история одной из руководительниц Отдела моды при ГУМе А.Г. Горшковой, которая, судя по воспоминаниям-интервью, назвала «похабщиной» экспонаты Дрезденской картинной галереи (с. 240). Неудивительно, что под началом таких людей слабо развивалось моделирование нижнего белья и купальников, а показы аналогичной продукции, изготовленной, например, в ГДР, даже в начале 1970-х гг. вызывали огромное скопление народа (с. 272). Однако при всей яркости приводимые примеры во многом выглядят иллюстрацией разделяемого авторами книги тезиса об асексуальности советского общества даже в 1960–1980-х гг. (с. 378), который не кажется мне достаточно обоснованным.

Гораздо интереснее выглядят наблюдения Журавлёва и Гронова о процессе формирования в поле советского моделирования специальной одежды для «полных», что можно рассматривать (по терминологии Барта) как отказ от пропаганды «деформированных» модой канонов телесности (с. 274). Более того, вопрос о том, как красиво одеть «больших женщин», начиная с 1970-х гг. был включен «отдельной строкой» в планы работы крупных моделирующих организаций СССР (с. 328). С позиций формирования особой телесности стоило бы рассмотреть и блестящий материал, посвященный институционализации профессии «модели» (манекенщицы) в СССР. Он представлен в главе «Модельеры за работой: создание моды на микроуровне», где идет речь о специфике советского *haute couture*, – авторы предоставляют читателям интереснейшие данные об ателье мод ГУМа, о Таллинском Доме моделей, справедливо названном «окном на Запад» (с. 320). Именно этот раздел книги наиболее ярко демонстрирует стремление части представителей советской высокой моды отойти от принципов аскетизма в одежде и внешности. Пишут Журавлёв и Гронов также о сопротивлении административных структур новшествам в мире моды, о жестком неприятии ими новых канонов телесности.

В целом же авторы книги «Мода по плану» последовательно выявляют признаки модерности в советском обществе на основе анализа процесса складывания модной индустрии. И это очень верный методологический подход. Ведь исследование проблем моды специалистами по гражданской истории России не представляет собой самоцели. Сейчас о советской моде пишут много, но в большой степени в контексте проблем искусствоведения и профессионального дизайна. Журавлёв же и Гронов выстроили свою книгу в сугубо историческом ключе, изучив административно-организационную сторону моделирования

²¹ Скиапарелли Э. Моя шокирующая жизнь. М., 2008. С. 142.

²² Волков С.М. Беседы с Бродским. М., 1998. С. 24.

одежды. Они детально описали процесс складывания ведомственных институтов, пытавшихся решить проблему создания советской моды как некоего социально-эстетического и организационно-экономического феномена. В эту систему, судя по данным обширного приложения к книге, входило более 50 республиканских и региональных Домов моделей (с. 481–482), а также почти 20 научно-исследовательских организаций, трудившихся на ниве моды (с. 483).

По мнению авторов, в 1960–1980-х гг. в стране существовала система модной индустрии (с. 109). К числу модернизационных признаков, зафиксированных в советском культурно-бытовом пространстве, можно отнести секуляризацию брачно-семейных отношений, отмену запретов аборт, внедрение в быт автоматизации, а теперь, благодаря исследованию Журавлёва и Гронова, и создание индустрии модной одежды. Безусловно, многие процессы перемен в сфере повседневности в СССР и западных странах были асинхронны. Но в целом, как обоснованно утверждают авторы, «Советский Союз 1960–1980-х годов, несомненно, был современным обществом» (с. 480).

Ольга Жукова: Традиционно женская тема глазами мужчин

*Olga Zhukova (Moscow University for humanities, Russia):
A «feminine» topic through the eyes of men*

Многогранная тема советской моды интересна сегодня многим, но большинство занимающихся ею не могут избавиться от пренебрежительно-ироничного отношения к «совку». Исследовательский труд С.В. Журавлёва и Ю. Гронова по сути является посвящением старшему советскому поколению. Авторы предлагают взглянуть на сам феномен советской моды с уважением к его создателям и к целым поколениям наших сограждан, которым приходилось, несмотря на перманентный дефицит потребительских товаров, проявлять чудеса изобретательности, чтобы выглядеть модно и стильно. Уникальность монографии еще и в том, что традиционно женская тема моды препарируется здесь авторами-мужчинами, которые представляют две научные дисциплины – историю и социологию.

Рядовые потребители модной продукции не всегда догадывались, какую сложную технологическую цепочку прошла вещь, прежде чем оказаться в их гардеробах. А вот авторам монографии удалось, привлекая редкие архивные документы и широкий круг разнообразной литературы, проследить процесс от создания лекала до внедрения модели в массовое производство, рассказать о непростом механизме ведомственных систем моделирования одежды в нашей стране, оценить функциональность этого механизма.

С задачей одеть людей советская промышленность в основном справлялась, но каждому желающему одеться модно и индивидуально приходилось прилагать для этого особые усилия, обращаясь в ателье индпошива и к частным портным. Ориентироваться при этом приходилось на журналы мод, которые выходили в СССР с 1920-х гг., причём их выпуск не прерывался даже в годы Великой Отечественной войны. Авторы привели в качестве иллюстрации обложку журнала «Костюм и пальто» за 1942 г., напоминающую боевые плакаты тех лет. На первом плане – девушка-санитарка: костюм в стиле милитари, чехол для противогаза, бинокль. Санитарная сумка, повязка и косынка на голове с красным крестом. При этом фигура её отбрасывает совсем другую тень – женственный силуэт в изящном пальто и шляпке.